

Известия. — 1994. —
11 февр. — с. 10.

АНДРЕЙ КАРАУЛОВ:

ЗА МНОЙ СТОИТ ТОЛЬКО ЖЕНА

— Андрей, насколько я понимаю, героем твоей передачи — «Момент истины» — может стать любой человек, привлекающий общественное внимание, независимо от его «реноме». Не боишься, что тебя могут упрекнуть в некоем журналистском цинизме, беспринципности?

— Конечно, нет. Передача для того и существует, чтобы показывать людей разных. Я бы и у Гитлера взял интервью. Это моя профессия.

— Однако же ты не приглашаешь в передачу «человека с улицы».

— В известном смысле все мы «люди с улицы». Я-то уж точно.

— Все-таки подавляющее большинство твоих визави — политики. Ты не согласен, что для журналиста политики — куда более легкая «добыча», чем те, кого можно причислить к «людям духа» — Битов, Мамардашвили, Аверинцев, например?

— Что значит «с кем легче, с кем трудней»? Самое трудное интервью в моей жизни было с Лукьяновым в ночь перед его арестом. Передо мной сидел человек, говорил и плакал. Пойми: я вынужден, именно вынужден всякий раз задавать какие-то вопросы. Иначе разговор будет нечестным, это будет полуразговор, ерунда. Мне не интересна ерунда.

— Да уж, ты классически умеешь загнать собеседника в угол.

— Уверяю тебя: на моем месте в такой передаче ты задавала бы (в той или иной форме) те же самые вопросы. Их рождает само время, сама наша жизнь. От них нельзя, глупо отворачиваться. Я вынужден говорить с Робертом Кочаряном о Ходжалы, ибо Ходжалы — были. Я не могу не спросить Полторанина о «Памяти», а

Гайдара — о Геращенко. Я не могу не спросить Битова, почему он пишет «Ожидание обезьян», но не ту книгу (помнишь передачу?), которую я, может быть, по наивности, жду именно от него.

И все, кого я зову в передачу, наверняка догадываются, что разговор будет серьезный. Перед выходом в эфир «Момент истины» с Филатовым Сергей Александрович и Галина Николаевна, его жена, приехали на Шаболовку. Посмотрели. Галине Николаевне передача не понравилась. «Нелицеприятная», — говорит. «Понимаешь, — отвечает Филатов, — эта передача другой быть не может». Конечно! Было «Телевизионное знакомство» Отта. Я же не знакомлюсь с человеком, ибо мы — мы все — с ним давно уже знакомы, я хочу его показать. Вот и все.

— Как ты сам считаешь: твоя передача каким-то образом влияет на политику?

— Конечно, нет. Это только кажется, что журналисты могут сегодня на что-то — или кого-то — влиять. Обман! И я не политик. Иначе какого черта было отказываться от всяких должностей и постов, которые мне в последнее время постоянно предлагают?

— Можешь назвать хоть одно из этих предложений?

— Зачем?

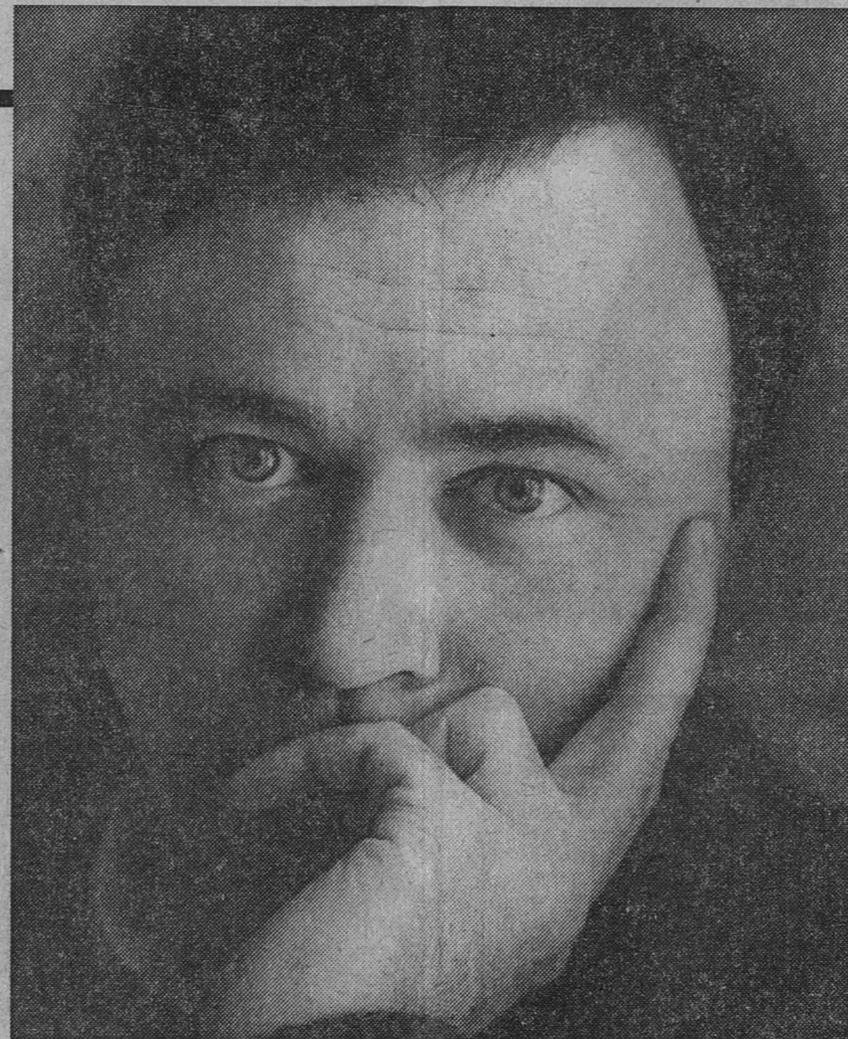
— Хорошо, но когда ты беседовал, например, с Руцким, разве это не была политика?

— Как сказать: я ведь не собирался разговаривать с Руцким. После передачи с Якубовским он позвонил сам. А мне противно — я только что, буквально пять минут назад, прочитал

его интервью «Правде», где он говорил про меня всякие гадости. «Извинитесь, Александр Владимирович», — говорю. «За что? Я не помню», — отвечает. «Отлично, откройте «Правду», а потом поговорим». Через десять минут звонит Краснов, заведующий его секретариатом. «Андрей Викторович, вице-президент не хотел сказать плохое, это у него был «фигаров спич»!» «А меня, — отвечаю, — это не устраивает». Снова звонит Руцкой. И действительно извиняется. Тогда я поехал на встречу с ним — в «Останкино».

— Недавно ты предложил выступить посредником в телестрелке Алиева и Тер-Петросяна — согласишься, тоже политика.

— Я журналист, и это моя работа. Больше ни ты, ни я не можем ничего.

— Ну хорошо, ты как политический журналист играешь за какую-то команду?

— Я бы не сказал — «за команду». Зачем? У меня свой круг мыслей. Они совпадают, скажем, с точкой зрения «Выбора России» — отлично, завтра «Выбор России» сделает какую-нибудь глупость (скажем, его депутаты запросят разрешить себе зарплату в миллион, надбавки, вторую работу — с зарплатой — по совместительству и штат из пяти помощников), я начну орать, что это мерзость. Потом: я понял страшную вещь. В нашей стране никого ни в чем нельзя убедить. Абсолютно! У меня было много бесед с «оппозицией»: Невзоров, Лукьянов, Павлов, Константинов, Руцкой. Пришли десятки тысяч писем. Так вот: те, кто нена-

ПЕРСОНА

видел Ельцина, его будут ненавидеть, хоть ты им кол на голове теши, те, кто обожал Руцкого, стали любить его еще больше. В нашей стране не работает такое понятие, как компромат. Только Андрей Макаров не мог это понять... Есть передачи, в которых меня провели, за которые мне сейчас жутко стыдно. За передачу с Макаровым мне стыдно. Он оказался обычным карьеристом, человеком, с моей точки зрения, жалким и удивительно не порядочным. Тогда я еще не знал, скажем, о его отношениях с группой «Мост». Я вообще многое не знал, пока не столкнулся с ним в реальной работе. А он в «Моменте истины» о нравственности говорил, и я, дурак, сидел и слушал...

— В передачах ты порой очень искусно манипулируешь людьми. Но создается впечатление, что в случае с Дмитрием Якубовским манипулировали тобой, что тебя использовали в нечистой игре.

— Использовали? Если бы! Ведь это же в какой-то мере я все и начал...

— В связи с этой историей я как раз хотела спросить: ты что, так запросто ходишь в Кремль?

— Я просто сказал: «Хочу встретиться». «Ждем в 9 утра», — был ответ. И я стал доказывать: Якубовский отлично знает ситуацию в МБ и лично Баранникова. Найдите людей, которые могут, как специалисты, оценить его консультации. Я же повез их в Цюрих. Потом все поехали еще раз. Ты спрашиваешь, мог ли я запросто прийти в Кремль. К кому-то — конечно. Но к кому-то я прийти не мог. Пришлось отправить некое звуковое письмо о деятельности МБ и Баранникова... чтобы услышали.

— Страшную игру ты вел.

— Почему? Не так страшен черт, как его малюют. Помимо всего прочего, это была борьба и за мою жизнь тоже. Я предполагаю: если бы Баранников остался министром безопасности, то после указа 21 сентября он был бы в Белом доме не один, а с разными-разными офицерами и генералами из своего ведомства.

— И неужели вездесущие органы безопасности не знали о твоих действиях, ничего не предпринимали против тебя?

— А вот это интересный вопрос: у кого, собственно, сегодня есть власть? Почему Баранников, зная,

чем ему грозит приезд Якубовского, ничего не предпринял против него? Или... готовилось что-то? Тут несколько версий. Прозевали? Не смогли? Или не хотели — просто не верили, что какой-то Якубовский может опрокинуть министра безопасности?

— Но твой друг Дима Якубовский непосредственно причастен также и к делу о миллионере Руцком, которое рассыпалось на глазах.

— Обрати внимание: сразу после сообщения прокуратуры о трасте Руцкого, возникло уголовное дело против Жириновского. Тебе не кажется, что это дело не случайно появилось на фоне другого? Могу честно сказать: я глубоко пожалел, что влез в эту историю. Те, кому я верил, вели себя гадко. А те, на кого я надеялся, думали только о себе, о своей карьере. Я сделаю все, чтобы в этой возне больше не участвовал. Чтобы никуда не возить Андрея Макарова, чтобы вообще не иметь с ним дела, да и не только с ним.

— Андрей, допустим, сейчас паралич власти. Но ты уже не один год занимаешься тем, что затрагивает интересы очень высокопоставленных людей...

— В твоих вопросах есть некий подтекст: кто за тобой стоит? За мной стоит только моя жена. Нет, здесь все очень просто: надо видеть время. В 90-м году уже можно было говорить с генералом КГБ Бобковым так, как с ним говорил я. А в 91-м можно было без страха поехать в лагерь к Чурбанову, потому что уже была «Независимая газета». И т. д., и т. п. Человек никогда не знает, что он может, пока не попробует. То есть я делаю все, что я могу. И многие мои друзья-журналисты делают все, что могут. Получается — отлично. Не получается — что ж, когда-нибудь получится. И вполне возможно, что очень скоро я закрою передачу «Момент истины». Она перестает быть мне, именно мне, интересной. Тогда я буду чаще ездить в Болшево, где на столе в кабинете уже лежат первые страницы новой книги — о Смоктуновском. Все-таки очень хорошо, когда у тебя есть другая профессия. И на кусок хлеба я уж точно себе заработаю...

Галина ЧЕРМЕНСКАЯ.
Фото Сергея ИВАНОВА.